

УДК 1(091)(47)

DOI 10.25688/2078-9238.2019.32.4.02

Б.Н. Бессонов

Русская философия: основные тенденции развития

В статье выделены основные тенденции развития отечественной философии. Согласно точке зрения автора, история русской философии позволяет понять современную культуру и историю, определить свою позицию в вечном противопоставлении России Западу и Востоку. Отмечая общий панморализм русских мыслителей, автор останавливается на особенностях тематики исследований школ, составивших русскую философскую мысль.

Ключевые слова: русская мысль; отечественная философия; Россия; Запад; Восток.

Философские вопросы всегда занимали русских мыслителей в увязке с проблемами человека, с осознанием его места в мире, с темами, которые очерчиваются вокруг него: культура, смысл жизни, космос, Бог. Славянофилы и западники, революционеры и консерваторы, идеалисты и материалисты — все искали свои ответы внутри этого круга проблем, и нигде невозможно обнаружить тот разрыв между теорией и практикой, который был присущ западной философии.

Разумеется, русская философия и космоцентрична, исследует вопросы натурфилософии, она отнюдь не игнорирует и исследования проблем теории познания, но главное для русских философов — человек, поиск целостности, единства всех устремлений человеческого духа. В русской философии нет разрыва между теоретической и практической сферами. Русские философы искали не просто правду, а правду-истину. В их размышлениях доминировала моральная постановка. Это было характерно как для революционно-демократической, так и для религиозно-идеалистической ветви русской философии.

В этой связи русские мыслители уточнили понятие и содержание гуманизма. И подчеркивали, что это не просто доверие к человеку, не народопоклонничество,

не готовность почитать все, что народу присуще, а такое мировоззрение, в котором утверждается особая значимость бытия индивида во вселенной. Это создание условий для непрерывного развития, требование к самому себе постепенно совершенствоваться, раскрывать потенциал своих способностей и возможностей, нести ответственность за себя и других людей.

Почти все русские философы склонны к онтологизму. Русский онтологизм выражает не примат реальности над познанием, а включенность познания в наше отношение к миру, в наши действия в нем. Так, например, для Вл.С. Соловьева характерен поиск всеединства человечества как единого существа. Именно человечество — субъект исторического развития. В этой связи Вл.С. Соловьев обосновывает идею цельного знания, представляющего собой синтез религии, философии и науки, веры, мысли, опыта, который должен ответить на вопрос: какова цель жизни человечества, как достичь цельной жизни? Вл.С. Соловьев настаивает на необходимости создания цельности политической и общественной жизни на основе начал христианства.

Близкими к философии Вл.С. Соловьева были взгляды Н.Ф. Федорова (1828–1903). Главной задачей познания он считал понимание смысла жизни, цели, для которой человек живет. При этом мало познать сущее, то, что есть; надо знать и то, что должно быть. Подлинная философия не может ограничиваться умозрительным объяснением сущего, она должна стать активным проектом всеобщего дела. Смерть, по Н.Ф. Федорову, не представляется безусловной необходимостью. Благодаря сознанию и труду люди могут спасти мир. Как, каким образом? Весь окружающий мир, все вещество, считает Федоров, состоит из праха предков. Собрать рассеянные частицы — значит воссоздать тела усопших, тела отцов. Но воссоздать не в плане повторения, а как осуществление метафизического совершенства, всеобщей любви, всеобщего счастья.

Другой видный русский философ — С.Л. Франк (1877–1950) доказывал, что субстанциональной основой духовной жизни человечества, и в первую очередь русских людей, является отнюдь не борьба, а солидарность. В книге «Духовные основы общества» он подверг критике западноевропейскую философскую традицию, начавшуюся с Р. Декарта, которая усматривает полное абсолютно-первичное и всеобъемлющее начало. С.Л. Франк исходит из идеи онтологического единства людей: «мы» совсем не есть просто множественное число от Я. Мы — единство бытия «Я» и «Ты». Лишь в единстве общества подлинно реально то, что мы называем человеком.

Очень важной чертой является то, что русские философы придали относительную доказательность той критике разума, которую начали Ж.-Ж. Руссо, А. Шопенгауэр и Ф. Ницше; в сущности, они предвосхитили тот поворот западноевропейской философской мысли 20–30-х гг. XX в., в которой полно и наиболее ярко выразился в феноменологическо-экзистенциалистской традиции. Так, Лев Шестов¹ подчеркивал, что главным условием человеческой

¹ Псевдоним Льва Исааковича Шварцмана (1886–1938).

жизни, человеческого счастья является свобода. Но свобода и рациональность несовместимы. Вся попытка рационализировать человеческое бытие оборачивается несвободой. Решительно выступал против объективации человека Н.А. Бердяев (1874–1948). Он утверждал, что в основании философии лежит не бытие, а свобода. Все организованное и организующееся враждебно ей. Свобода есть независимость и определенность моей личности изнутри, свобода есть моя творческая сила, мое созидание добра и зла.

Столь же остро и резко выступали против натурализма, объективации человека, обыденности и т. д. С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, П.А. Флоровский, Л.П. Карсавин, по сути, все русские философы. Они подчеркивали: свобода — одна из самых субстанциональных свойств личности, это не самозамыкание, а творчество, путь раскрытия в человеке универсума.

Устремленность к свободе была характерной чертой не только религиозных мыслителей, но и тех, кто принадлежал к религиозно-демократической ветке русской философии. А.И. Герцен решительно отвергал объективистско-телеологические взгляды на историю, принижающие человека, его интеллектуальную и нравственную силу, игнорирующие его свободу, приносящие в жертву будущему настоящих живущих, мыслящих, страдающих людей. По А.И. Герцену, целью жизни человека является настоящее. Жизнь, утверждает он, ничего личного, индивидуального не готовит впрок, она всегда изливается в настоящую минуту [1].

В XIX в. П.Я. Чаадаев был первым, кто столь резко, но и столь отчетливо заговорил о судьбе России, русском национальном самосознании, об историческом предназначении русского народа. К нашему прошлому он беспощаден: Россия — порождение не времени, но географии: огромное пространство, равнина, неподвижность, пробел в нравственном миропорядке, косная глыба, не затронутая жизнью духа, внутренней идеей. Но произносятся самые горькие суждения, Чаадаев верил в Россию: она молода, способна к просвещению и духовному подъему. К тому же мы, русские, не эгоисты — провидение поставило нас вне интересов узконациональных, поручив нам интересы человечества. России важно теперь осознать свою миссию и взять на себя инициативу проведения великодушных идей.

От Чаадаева и по сию пору идет эта волнующая развилка русской мысли: его ценили и славянофилы, и западники. Славянофилы — И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин и др. — могли опереться и на чаадаевскую постановку проблемы, и на идею русского мессианизма. Истина, полагали они, доступна лишь цельному, живому знанию, синтезу чувственного опыта, рационального понимания и мистической интуиции. Она не может быть достоянием отдельного человека, открывая тайны лишь соборному сознанию людей, объединенных на принципах свободы и любви. Соборное сознание играет решающую роль в исторической жизни русского народа. Оно противостоит индивидуализму, разрушающему человеческую солидарность, противостоит и тем формам коллективизма, которые умаляют личность. Соборность и соединяет русских людей,

и оберегает неповторимые черты каждого, она живет и в православии, и в сельской общине, где каждый в отдельности и все вместе [6].

Западники, считавшие, что славянофилы подменяют далеко не благодетельную российскую действительность прекраснотворным идеалом, обращенным к прошлому, тем не менее лишь на первый взгляд во всем были им противоположны. При внимательном чтении они выдают известную близость своей позиции славянофилам. Молодой А.И. Герцен, В.П. Боткин, И.С. Тургенев, Т.Н. Грановский, П.В. Анненков и др. тоже задумывались о целостном мировоззрении (хотя в Чаадаеве больше ценили критическую часть его наследия). Но для России продвижение вперед невозможно, если она не усвоит некоторых сторон европейского развития, в том числе признания личности, ведь без этого не может быть и цельности. Свобода человека — величайшее дело, лишь на фоне свободы и может вырасти действительная воля народа. У нас же лицо всегда подавлено, поглощено государством. Потому и нужен был этот идеал: в себе самом (как подчеркивал Герцен) человек должен уважать свою свободу и чтить ее не менее, чем в ближнем своем, не менее, чем в целом народе [4, с. 13].

Славянофилы и западники. Одни ради дорогих своему сердцу идей готовы были идеализировать русскую историю, другие — все-таки несколько приукрашивать европейскую. Но, повторяем, и общего было немало. Не случайно, оказавшись на Западе, Герцен на многое, что ранее воспринималось как очевидность, будет смотреть иными глазами. Он совершенно в славянофильском духе будет видеть в сельской общине надежду на русское будущее, узрев в ней своего рода нравственную личность. Община ответственна за всех и каждого в отдельности, но и автономна во всем, что касается ее внутренних дел, — чем не гармоничное соединение личности и общества? И словно заглядывая в начало XXI в., мыслитель формулирует: в России общинные начала столь сильны, что любая попытка введения европейской системы раздела земель и частной собственности на землю будет обречена на провал. Потому будущее России — артель и сельская община, мирская сходка и соединение сел в волости, волостное самоуправление.

То, что было сказано славянофилами и западниками, к середине XIX в. дало импульс новой картине идейного противостояния. Почвенники — Ф.М. Достоевский, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов — хотели уйти от крайностей и мечтательных сторон славянофильства. Любить Россию, любить народ — этого еще мало. Нужно сердцем прикипеть к народу, в нем содержатся все органические начала русской жизни, в народе — наша сила и наше спасение. Ведь русский гений способен все понять, разрешить все противоречия, примирить все народы. В этом духовная миссия России, в этом суть русской идеи [3, с. 100].

Но как принести свободу всем? Полное уничтожение крепостного права и после борьба за социализм. Об этом пеклись революционные демократы: В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов и их сподвижники. И как западничество во взглядах на русскую общину могло дать славянофильский крен, так и революционно-демократический лагерь готов был видеть в ней особый путь к социализму, минуя капитализм.

Реформы 1860-х гг. внесли диффузию в умы русских и направления жизни России. Страна встала на путь капитализма. В истории русской мысли отчетливо звучали голоса народников. Здесь и М.А. Бакунин, взывающий к солидарности, обществу без государства, где личная свобода связана со свободой коллективной, где каждому обеспечены равные с другими возможности для развития своих способностей. Здесь и П.Л. Лавров с идеей уплаты долга народу, пропагандой универсального кооперативного строя, социализма как общества солидарных личностей с полной гармонией индивидуальных и социальных интересов. Здесь и П.Н. Ткачев, не желавший ждать, пока течение исторических событий укажет минуту для действия, стремившийся сам выбрать эту минуту. И конечно же, здесь Н.К. Михайловский, решительно выступавший за полноту жизни, единство правды-истины с правдой-справедливостью.

Идеологи народничества не хотели капитализма, противопоставляя ему самобытный, общинно-артельный путь развития. Не терпели и преклонения перед объективным законом. Ценностный подход к явлениям и фактам действительности, по их мнению, столь же, если не более правомерен. Человек в своих действиях должен руководствоваться не объективным подходом, а нравственностью. Потому Н.К. Михайловский отвергает социал-дарвинизм, который возвел идею борьбы за существование в абсолютный принцип, исключив тем самым этический момент, идею справедливости, идею земли и воли. Потому П.А. Кропоткин говорит о законе взаимной помощи, в котором он видит результат долгого развития в животных и людях инстинкта общительности.

Но и либералы-государственники — К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин, — обращаясь к истории России, защищали все тот же принцип ее органического развития, подчеркивая роль государства. В общий спор о судьбах России в эти годы вступают еще три голоса. Современники не всегда могли оценить их силу и глубину. Нынешнее время заставляет с предельным вниманием отнестись к этим идеям.

Н.Я. Данилевский, именно в его воззрениях идея русской самобытности становится не столько упованием, сколько знанием. Каждый народ (или группа народов) есть часть определенного культурно-исторического типа. Всякие попытки нарушить своеобразие жизни народа бессмысленны и бесплодны. Народы живут своей идеей. Историческая миссия России очевидна: противостоять враждебным попыткам Запада растворить славянство в европействе, а также защитить и объединить славян, сохранить и упрочить свои самобытность, традиции, культуру. Борьба идет за все, что есть священного для русского человека: за веру, за свободу угнетенных братьев. И Россия должна выполнить свое историческое предназначение, ибо оно лежит в нравственной основе русского народа [2, с. 437]. В своем пафосе Данилевский не мог не расходиться с идеями западных мыслителей. Но в самой сути этих идей — о культурно-исторических типах — оказался предшественником О. Шпенглера и А. Тойнби.

Тот же пафос антизападничества окрасил и другой голос, не менее своеобразный — К.Н. Леонтьева. Верность российским традициям — неизбежность,

если ты хочешь противостоять разнузданным силам буржуазного прогресса. И значит, нужно до последнего и отстаивать национальную самобытность, и крепить самодержавие, социальную иерархию, и охранять православие, и любить народ *национально*. Время желает все обезличить. И значит, Россию нужно «подморозить», дабы сохранить не только жестко сословное государство и монархическое правление, но и ее лицо.

Третий голос — В.С. Соловьева — был много лучше услышан. Правда, в большей степени после смерти. Главное устремление его мысли — философия всеединства. Иначе говоря, универсальное знание о предмете требует органически соединить основные составные части философии: онтологию, гносеологию и антропологию. Но главное — для истинной организации знания необходима подобающая организация действительности. Природа, эмпирические элементы бытия должны быть внутренне подчинены нашему духу, а он должен быть внутренне подчинен Духу Божественному. Призвание России — религиозное. Русский народ должен стать посредником между человечеством и Божественным миром [5].

В. Соловьев имел друзей и сподвижников при жизни. Но после его смерти на самом рубеже веков, в 1900 г., его воззрения набирают силу, заставляют говорить о них даже несогласных. Это время будут сравнивать с Ренессансом. То, что созрело в России к началу XX в., по оригинальности мысли, разнообразию и плотности идей действительно напоминало эпоху Возрождения, хотя по религиозной тональности часто напоминало что-то противоположное. Русская мысль от Чаадаева до Соловьева, идеи русских ученых, особенно неевклидова геометрия Лобачевского и периодический закон Менделеева, творчество русских классиков — Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тютчева, Достоевского, Толстого, — все это подготовило настоящий взрыв идей в начале XX в. Братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие, Л.М. Лопатин, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, В.Ф. Эрн, П.А. Флоренский и многие другие — одно лишь перечисление необходимейших для истории русской философии имен красноречиво говорит об этом времени.

Особое звучание в культурную атмосферу начала прошлого века внес русский космизм. Наиболее полно проявившись в XIX в. в философии общего дела Н.Ф. Федорова, с его стремлением преобразить законы природы, преодолеть смерть, встать на путь воскрешения предков и заселения космоса, в XX в. это течение дало проекты К.Э. Циолковского, учение о биосфере и ноосфере В.И. Вернадского, исследования солнечной активности А.Л. Чижевского. То, что они скажут еще на рубеже веков, через столетие будет на устах всего человечества.

В идейное брожение рубежа веков свою ноту внес русский марксизм. Здесь и неожиданные мысли о мистической объективности государства легального марксиста П.Б. Струве, и развитие монистического взгляда на историю Г.В. Плеханова, и ставшие впоследствии на долгое время основополагающими идеи В.И. Ленина об эпохе империализма, о социалистической революции в эту эпоху, об особой роли материалистической диалектики при анализе самых различных явлений.

Русская философская мысль никогда не замирала. В 1960–1970-х гг. она была на передовых рубежах, открыта новым идеям и мыслям философов Запада и Востока. Опираясь на философско-методологические идеи Маркса, активно разрабатывались различные философские школы и направления. Так, в теории познания появились идеи Э.В. Ильенкова. Именно он снова заговорил о проблеме идеального, которое выступает как продукт человеческой деятельности. В это же время в философии звучат новые имена. М.К. Мамардашвили, опираясь не только на Маркса, но и на феноменологию, экзистенциализм, занимается проблемами сознания, исследованиями в области философии культуры. В 1960–1980-е гг. действует Московский методологический кружок Г.П. Щедровицкого, создавшего концепцию мыследеятельности. Развитие методологии науки и проблем логики связано с именами А.П. Огурцова, П.П. Гайденко. Идеи теории и истории эстетики развивает А.В. Гулыга, который также занимается историей философии Нового и Новейшего времени. Работы В.Ф. Асмуса, А.Ф. Лосева, А.Н. Чанышева посвящены истории античной философии, Г.Г. Майорова — средневековой философии, И.С. Нарского, В.В. Соколова — философии эпохи Возрождения. Имена тех, кто заявил о себе в те годы, можно перечислять очень долго.

Наши традиции, история, культура духовно богаты, нравственно высоки. А к ним нельзя относиться как к почетному кладбищу, музею лучших свершений народа (И.А. Ильин). Но нельзя также надеяться и на их стихийные проявления. Нет, культура, традиции живут, возрождаются, творятся в каждом поколении русских, в каждом из нас. Мы должны сознательно учитывать в своей деятельности коллективные черты, характер русских людей, их склонность возвращать те общественные формы, которые покоятся на братстве и солидарности. Конечно, при этом надо учитывать и те недостатки, которые вытекают из нашей истории, традиций (уравнительность, иждивенчество, надежда на царя-батюшку, начальника и т. д.), но огульный отказ из-за подобных недостатков от наших традиций, великих достижений культуры, поиск спасения в европеизме и американизме чреват утратой национальной самобытности, национального достоинства.

Нам, русским, россиянам, надо по-настоящему полюбить свободу и взять на себя мужественную ответственность за все происходящее в стране. Действовать, а не созерцать. Действовать последовательно, упорно, настойчиво и квалифицированно. Не горделивое спасение мира, а служение своему призванию, не мессианство, а миссия, путь труда и творчества, нравственной ответственности, справедливости и солидарности — это путь России. Вот чему учит наша история.

Литература

1. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: АН СССР, 1955–1965. Т. 6. 550 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991, 574 с.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.; Л.: Наука, 1972–1990. Т. 25. 465 с.
4. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Наука, 1951. Т. 7. 765 с.
5. Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. 736 с.
6. Хомяков А.С. Русская симфония. СПб., 2010. 680 с.

Literatura

1. *Gercen A.I.* Sobr. soch.: v 30 t. M.: AN SSSR, 1955–1965. T. 6. 550 s.
2. *Danilevskij N.Ya.* Rossiya i Evropa. M.: Kniga, 1991, 574 s.
3. *Dostoevskij F.M.* Poln. sobr. soch.: v 30 t. M.; L.: Nauka, 1972–1990. T. 25. 465 s.
4. *Pushkin A.S.* Poln. sobr. soch.: v 10 t. M.; L.: Nauka, 1951. T. 7. 765 s.
5. *Solov'ev V.S.* Soch.: v 2 t. M.: Pravda, 1989. T. 2. 736 s.
6. *Xomyakov A.S.* Russkaya simfoniya. SPb., 2010. 680 s.

B.N. Bessonov

Russian Philosophy: the Basic Tendencies of Development

The article highlights the main trends in the development of Russian philosophy. According to the author's point of view, the history of Russian philosophy allows us to understand modern culture and history, to determine our position in the eternal opposition of Russia to the West and the East. Noting the overall amorality of Russian thinkers, the author focuses on the specifics of the research topics schools, which amounted to Russian philosophical thought.

Keywords: Russian thought; domestic philosophy; Russia; West; East.